

Вдохновение Причульмья

№ 2 (2)

Ноябрь 2017 г.

● Я вам пишу

Уважаемые читатели!

Перед вами второй выпуск ачинской литературной газеты «Вдохновение Причульмья».

В нашем городе и его окрестностях очень много людей, не просто увлечённых прозой и поэзией, но и создающих свои собственные произведения, многие из которых заслуживают того, чтобы быть прочитанными.

Мы надеемся, что наша газета даст местным поэтам и писа-

телям возможность раскрыться, выплеснуть свои чувства и эмоции, а также позволит услышать мнение окружающих о своём творчестве, ведь всегда интересно узнать, что думают другие. От читателей же мы ждём отзывов и пожеланий, которые обязательно будут учитываться при создании новых выпусков.

В этом номере вы сможете познакомиться со стихотворениями и рассказами ачинских

авторов, а также прочитать воспоминания о покинувшей нас в уходящем году ачинской поэтессе Иоланте БИЯНОВОЙ (рубрика «Вахта памяти»).

У вас тоже есть написанные рассказы и стихотворения, а вы не знаете, что со всем этим делать? **Присылайте свои произведения на электронную почту pv-press@bk.ru или приносите по адресу: м-он, 8, дом № 1, оф. 67.**

Виктор ЯПИН

Кораблик

Маленький кораблик по реке
Я отправил робко с детской грустью.
Исчезал он долго вдалеке,
Приближаясь к каменному устью.

Мне хотелось броситься тогда,
Парус повернуть его обратно.
Быстро гнали вдаль его ветра,
Убегало детство безвозвратно.

Ты плыви, кораблик мой, плыви.
Господи, придай ему везения.
Сердце билось трепетно в груди,
К чёрту гнал нелепые сомнения.

Парусник «Надеждой» назову,
Как в мечту, в него я свято верю.
Он плывёт, пока я им живу,
Ничего менять я не намерен.

Льды сковали реки до весны,
Иней на висках картины пишет.
Долги стали ночи, кратки сны,
Верю, друг мои молитвы слышит.

Твоя любовь

Твоя любовь наивна и чиста,
Ты лучик света посреди ненастья.
Под сердцем носишь ты моё дитя,
Надежду нашу, плод любви и счастья.

Я полюбил вас раз и навсегда,
Моя любовь – она до неприличия.
Венчали нас когда-то небеса,
Любовь для вас от сердца, безгранична.

На склоне лет заметней седина,
Пусть выдают года мои морщины.
С тобой душа проснулась, ожила,
Жить появилась веская причина.

Я сберегу вас в день и час любой.
От зимних вьюг собою вас укрою.
Я тенью стану вам в палящий зной,
Днём-солнцем в ночь, полярною звездою.

Пока живёт любовь в моей душе,
Вы знайте, что для вас сердечко бьётся.
А если вдруг уйду на дальнем рубеже,
Моя любовь к вам эхом отзовется.

«Ты плыви, кораблик мой, плыви.
Господи, придай ему везения».

Мама

Стекает время вереницей
По запотевшему стеклу.
Дождь за окном, а мне не спится,
В своё я прошлое смотрю.
Хочу я вновь вернуться в детство,
Прижаться к мамочке щекой.
Не создал Бог такое средство,
Мне не найти душе покой,
А время крутит киноленту.
Идёт забытое кино,
Стирая память постепенно,
Куда вернуться не дано.

Судьба коварна и упряма,
Частенько ранит, больно бьёт.
Но ей весы – родная мама,
Всегда поддержит и поймёт.
Себе во благо не попросит,
И от души что есть отдаст.
Тебе ненужные вопросы
Лишь только мама не задаст.

В окно туман седой стремится,
Ему вдогонку – лунный свет.
Ночь за окном, а мне не спится,
Ребёнок я на склоне лет.
Всё так же маму вспоминаю,
Ей глажу волосы рукой.
И Бога слёзно умоляю:
«Не забирай её с собой».
С тобою, мама, мы похожи,
Грустим до одури в ночи.
Пускай же нам Господь поможет,
Когда мы тихо замолчим.

Светлана ЖАРКОВА

Как всё-таки здорово жить.
Проснувшись, чайку заварить.
А выглянув утром в окошко,
Увидеть, как чёрная кошка
Резвится на белом снегу,
Предсказывая пургу.
Но вдруг вопреки всем приметам,
Как лучик ушедшего лета,
Засветится солнце в окошке
И глазом мигнёт чёрной кошке!

Ты мне сказал: «Не умирай».
Чужое имя с уст слетело.
Нам хорошо, а что до всех –
Скажу одно: «Какое дело?»
И сразу солнышко взошло,
Природа изменила краски.
Ах, как нам было хорошо
В сугубо личной этой сказке.

Ты приказал: «Не умирай!»
А я перечить не сумела.
В моей же адской жизни рай
Пустил росток любви несмело.
Его я буду охранять
От засухи и непогоды.
Тебе скажу лишь, дорогой:
«Не дрейфь, какие наши годы...
Ведь для тебя же не секрет:
Душа – она ведь не стареет,
Кому-то вишня лишь цветёт,
А нам с тобою пряно зреет!»

Ты прошептал: «Не умирай».
Как видишь, я пока живая,
И даже больше, ты поверь,
Я не живу теперь, страдая.
Когда на свете есть такой, как ты,
Чего же надо лучше?
Неразведённые мосты
Теперь скрепляют наши души.

Ты мне ладони целовал,
Я прятала глаза стыдливо.
Словами в ласках миловал,
А у меня внутри застыло...
Остыла боль, пришёл покой,
Глаза о счастья кричали...
Молчат уста, желанный мой,
О переплаканной печали.
Теперь ведь это ни к чему,
Два взрослых человека вместе
Нашли счастливую весну
В таком суровом, зимнем месте.
Ты лишь сказал: «Не умирай!»

Хочешь, стану твоей Айседорой
Или даже твоей Жанной д, Арк?
Хочешь, тёмною ночью бессонной
Я слетаю на небо? Пустяк!
Соберу тебе звёзды в пригоршню,
Подарю тебе свет неземной...
Ты шепни по секрету, что хочешь?
Может, в ад за тобой босиком?
Или пешей с тобой на край света,
Где румяное солнце встаёт,
И чуть свет лебединая стая
Приглашает с собою в полёт.

Хочешь, буду твоим только другом,
Хочешь, за руки вместе пойдём?
Хочешь, будем с тобою смеяться,
Омываясь весенним дождём?
Ну а если тебе это скучно,
Подарю тебе радуги свод.
Чтобы счастьем тебя озарила,
Сберегая от бед и невзгод.

Признаюсь: я ждала очень долго.
Видно, дурую круглой была.
И поэтому в сердце своём я
Много-много любви сберегла...
Я прошу у тебя лишь немного:
Подскажи, где скитаешься ты,
Иль найди меня сам поскорее
И направь по тропинке следы...
По дороге, ведущей нас к счастью,
Мотыльком, прилетевшим на свет.
На зелёном листочке росинкой
Напиши, мой родной, мне ответ.
Подарю тебе красное солнце,
Подарю тебе синий прибор...
Подарю, ну куда же мне деться?!
Позови! Я пойду за тобой!

Давай с тобой присядем у костра.
Сожжём свои обиды и печали.
Пусть заискрится в пламени огня
Всё доброе, что мы не замечали...

Пусть разгорится пламя высоко,
И светит ярко, жаром согревая;
А сердце распахнётся широко,
Мелодию любви в себя вмещающая...

Давай с тобой присядем у костра
И вспомним наши годы молодые.
Друг другу пожелаем мы добра.
И не беда, что оба мы седые!

Никогда не просила тебя
Ни о злате, ни о мехах.
 Попрошу, что б ты мне подарил
Россыпь рос на цветущих полях.
 Попрошу, что б ты мне пропел
Соловьиную трель на ветвях.
 Попрошу, что б ты мне прошептал
Звон ручья в белоснежных горах.

Попрошу я ещё об одном:
Что б по полю – рука в руке
Изумрудной тропой вдвоём
К нашей чистой судьбе – реке!

Я шла по шаткому мосту,
Чем постоянно рисковала,
Теряла силы на ходу
И, как в болоте, увязала.

Мои пути вели меня
Туда, где трудные дороги,
Сносила обувь не одну,
Избила в кровь свои я ноги.

Но не свернула всё ж на ту,
Вдали манящую дорожку –
Где сыто и уютно где,
А правды с честью понемножку.

Надежда ТЕРЁХИНА

Карусель судьбы

Убегает старенький трамвай,
Раскрывая настежь людям двери.
Счастье удержи и не зевай,
Подберут легко твои потери.

А трамвай бежит, бежит, бежит,
И в окошко солнышко сияет.
Солнце от волнения дрожит,
На мгновенье будто замирает.

Ах, зачем от счастья я бегу?
Вновь судьба моя со мной играет.
Брошенная роза на снегу,
Замерзая, тихо погибает.

Чтоб судьбу свою переиграть,
Возвращаясь к преданному другу,
И навек ему себя отдать,
Кружит, кружит карусель по кругу.

Что за чудо? Разве это сон?
Остановка. Замирает сердце,
И шепчу я тихо: «Это ОН».
Словно Бог стоит в открытой дверце.

Мы выдержим всё

Мы выдержим всё, привыкли к терпению,
Нас невозможно ничем напугать.
Не предадим своё сердце забвению,
Нам бессловесной мишенью не стать.

Мы будем с удвоенной силой трудиться,
Родину нашу всем сердцем любя,
И многого в жизни сумеем добиться,
Веря в Россию и веря в себя.

Богатство страны – зрелый колос пшеницы,
Пусть оживает родная земля,
Когда запоют тракторов вереницы,
Новым дыханьем задышат поля.

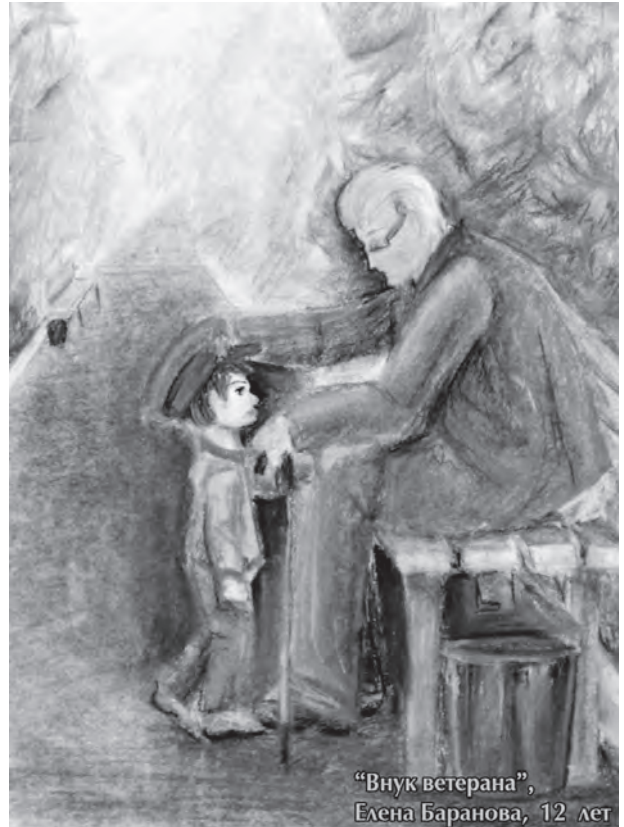
Мы выдержим всё, и пугать нас не надо,
До цели своей сумеем дойти,
Отброшена будет любая преграда,
Если вдруг встанет у нас на пути.

Люди устали уже в ожидании,
Видеть хотят, как сады зацветут.
И сила, и мощь таятся в познании,
Воля с желаньем к победе ведут.

Гордимся вами, ветераны!

Как часто снится бой солдату
Далёкой страшной той войны,
Как будто он идёт в атаку
И защищает честь страны.
Летят, взрываются снаряды,
Он снова ранен – не убит,
А немцы наступают, гады,
И рана старая болит.
Но вот окончен бой смертельный,
Медали на груди блестят.
Боец советский, воин верный,
Пришёл с победою солдат.
Гордимся вами, ветераны!
Достойный дав отпор врагу,
Как мало вас осталось с нами,
Мы в неоплаченном долгу.
Завоевали вы победу,
И мы её не отдадим.
Поклонимся отцу и деду,
По всем погибшим мы скорбим.

«Внук ветерана», рисунок Елены БАРАНОВОЙ.

«Внук ветерана»,
Елена Баранова, 12 лет

Отголоски войны

Война сорок первого года,
Ты столько наделала бед.
Печальная память народа,
В чёрный одетая цвет.

Письма не все прочитаны,
Что в окопах писал солдат,
Кровью и потом пропитаны,
Не могут найти адресат.

Изломаны судьбы войною,
И тем, кто остался в живых,
Досталось, досталось с лихвою
Все беды тянуть за двоих.

Не скоро затянутся раны,
Остынет земля от огня,
Жить в мире научатся страны,
Войны эту память храня.

Ольга КУЛИКОВА

Пирожки

Оказавшись после Иркутска в Ачинске, отец купил небольшой домик, где жили сначала две семьи: наша и тёти Ани. Однажды, когда взрослые были на работе, мы со старшим братом решили сварить пшённую кашу. Нашу идею поддержали сродные братишка и сестрёнка, которые жили в соседней с нами комнате. Было нам двадцать пять лет на четверых.

Мы налили в кастрюлю воды и засыпали туда пакет крупы. Через несколько минут кипящая вода стала выплёскиваться на электроплитку, которая в нашем послевоенном детстве была большим дефицитом. В основном все пользовались керосинками или примусами и печкой. Потом крупа стала набухать и вылезать из кастрюли. Мы вычерпывали её и раскладывали по чашкам. Потом она стала подгорать. Мы уже кашляли от дыма, когда пришёл с работы отец. Он открыл двери и форточки, приказав нам махать и выгонять дым полотен-

цами. Когда в доме просветлело и проветрилось, отец сварил нам на ужин ухи, и вскоре мы уснули.

А утром, это было воскресенье, он решил настряпать пирогов с картошкой, потому как все остальные взрослые работали по сменам, а нас кто-то должен был кормить. В наши обязанности входила прополка и поливка грядок и мытьё полов. Пока мы этим занимались, папа настряпал целый таз пирожков. Усадив нас за большой стол, поставил нам по кружке молока и чашку с пирогами. Потом взял большую чашку, положил туда десятка два своей стряпни и понёс её бабушке Анне, что жила через дорогу от нас в землянке. Позже сын построит для неё небольшой дом.

Бабушка эта была глуховата, со шрамом от уха до уха. Шрам остался у неё после боя с чехами и беляками в Гражданскую войну. А она служила санитаркой в отряде главного партизана нашей местности Петра Ефимовича Щетинкина. Позже за «шанхайскими болотами» находили мы и гильзы, и патроны, и кисеты. А за полем, в леске, рядом с Красноярским трактом, в районе аэродрома до сих

пор не заросли рвы тех грозных времён.

Бабушка Анна вышла за ворота, села на лавочку и с удовольствием съела несколько пирогов.

– Ты бери все, я их тебе принёс, – сказал отец.

– Спасибо, сынок, – ответила она. – Знаешь, а давай вон тех пацанов угостим.

– Давай, давай! Это ты хорошо придумала.

Он подозвал мальчишек лет восьми-девяти. Те подошли и робко потянулись к чашке. Каждому досталось по два больших пирога.

– Ну вот и позавтракали все чуток, – улыбнулся отец.

– Ох, и наголодался я в их возрасте, баба Аня, – задумчиво произнёс он, вспоминая безотцовщину, Великую Отечественную войну, участником которой довелось быть и ему.

– Верю, верю, времечко было голодное, лютое...

Много лет прошло с того времени, а я до сих пор помню этот разговор и пирожки с картошкой, которые настряпал тогда отец. Когда его не стало, нам с братом тоже жилось несладко.

Солонка

Сколько себя помню, эта небольшая солонка всегда стояла на кухонном столе. А в праздничные дни мама пекла в русской печи хлеб. Когда он зарумянивался, она доставала его деревянной лопаткой, потом накрывала хлеб-соль чистым белым полотенцем и оставляла на ночь. Горячий хлеб нам с братом есть не разрешали.

Маленькая, жёлто-болотного цвета солонка походила по своей форме на усечённый гранёный стакан, с такими же грубыми гранями и выемками. Как она оказалась в нашем доме, я не помню. Знаю только, что солонка эта побывала в пекле Великой Отече-

ственной войны. Привезти её из Германии мой отец не мог – он служил на Дальнем Востоке в годы войны, в войсках НКВД. Отчим был связистом, получил ранение и контузию в первые годы сражений. Да и в нашей семье он появился позднее.

Скорее всего, солонка-трофей осталась у мамы от первого мужа, Иосифа Павловича, который прошёл всю войну и был однажды награждён побывкой домой. Доказательством того, что относится солонка к периоду военного времени, служит и тот факт, что к ней прилагалась плоская вилка с тремя зубцами и ложка со знаком немецкой свастики. Трудно сказать, из какого сплава они были сделаны, но столовые приборы не гнулись так, как наши вилки и ложки, сделанные из алюминия. Куда по-

девались эти кухонные предметы, знала только мама. Скорее всего, она их выбросила лет через пятьдесят.

Никого из близких людей старшего поколения – защитников наших – давно уже нет в живых, а солонка стоит в моём серванте как память о далёком прошлом, имя которому «война», когда, не смотря ни на что, наш народ стал победителем... И сколько ещё свидетельств находится в русской земле об этом страшном времени. Вот и внук мой на прогулке в сосновом лесу близ бывшего Ленинграда нашёл однажды тарелку с надписью: «Луганск. 1943 года». Сколько лет прошло, а не умолкает канонада над Украиной. Великое зло снова чертит свои круги по Европе. И от этого тревожатся сердца всех людей на Земле.

Вера МАШИНСКАЯ

Стихотворения о военных

Мой ангел

Это стихотворение о любви и судьбе офицера,
моего дедушки Александра,
и моей бабушки Сатиры.

В шкатулке среди писем две открытки –
Два откровенья иль судьбы форпост.
Одна открытка с видом Ленинграда,
Вторая – Дрезден, «Августовский» мост.

«Мой ангел, теплоход наш отплывает,
Спешу открытку с другом передать.
Ты не печалься, не грусти, моя родная,
Я много не успел тебе сказать».

Что я люблю тебя, ты это знаешь.
Едва расстались, начал уж скучать.
Приеду в часть, освоюсь, всё узнаю
И вновь вернусь, что б вас к себе забрать».

А ты не плачь, побереги себя и сына,
Волнуясь, потеряешь молоко.
Вас обнимаю и целую. Александр.
Передаю с Андреем письмецо».

И дата: сорок первый, июнь месяц.
Забрать к себе родных не суждено:
Попал на фронт, контужен, ранен.
О Господи, спаси его!

А от любимой нет вестей из дома,
Там враг, и боли в сердце не унять.
Как взрыв письмо: «Твои пропали,
Угнали в плен, не можем отыскать».

«Письмо с фронта»,
рисунок Александры ЛАБЗЕНКО.

А он не верил и искал их всюду,
Прошёл весь фронт, победа – и домой.
А как награда голубем почтовым:
«Мы дома, жду тебя, мой дорогой!»

Вновь в 45-м почтальон принёс открытку,
Слова от слёз ей трудно разобрать:
«Мой ангел, через три дня приезжаю.
Ты с сыном приходи меня встречать».

Как по Питеру казачьим эскадроном

Посмотрите, как идёт мужчинам форма.
В детстве мне рассказывал мой дед,
Как по Питеру казачьим эскадроном,
Заломив чубы, лишь вздохи вслед.

Дамы чуть не прыгали с балконов,
Поцелуи и букеты – всё лови.
Ну а дальше встречи, «разговоры»,
Пылкие признания в любви.

Ненадолго, и пора прощаться.
Был летуч казачий эскадрон.
Защищать страну, с врагами драться.
Где он, этот новый полигон?

А у дам надежда, что вернуться,
Нужно только очень-очень ждать.
А вернуться – никаких упреков,
Как награду, счастье принимать.

И опять за встречей расставанье,
Ревность, слёзы, сумрачный перрон.
Нелегко любить мужчину в форме.
Но как здорово, когда влюблён и он.

Погибшие в бою

Посвящается молодым ребятам всех национальностей, пропавшим без вести и погибшим в мирное время, но на войне. Основано на реальных событиях

Синей краскою на маленькой дощечке...
Сразу даже как-то не понять.
Здесь погибшие лежат ребята.
Сколько? Было трудно посчитать.

Матери их так и не дождались:
Потерялись, сгинув на войне.
Так терялись сыновья в Афгане,
А теперь лежат в земле в Чечне.

Краскою подписана табличка
без имён «погибшие в бою».
Вихрем чёрным промелькнули лица,
На мгновенье вставшие в строю.

Господи, верни ты людям память,
Сколько войн прошло. Погибших посчитать?
Так зачем опять машем мечами,
Что хотим друг другу доказать?

Ведь земля, обидевшись, взорвётся!
Всё исчезнет, превратится в пыль.
И сегодня больше не вернётся.
Что, была земля? Нет, это был.

Юнки Соловецких островов

*Посвящается нашему дяде Владимиру Васильевичу РЫПАКОВУ,
выпускнику школы юнг на Соловецких островах 1945 года*

На потёртой старой фотографии
Мальчики у стен монастыря.
Пареньки в матросских бескозырках,
Бантук без названья корабля.

Соловки, здесь трудно было выжить
В школе юнг в сорок втором году,
Но мальчишки верили в удачу,
Грезили мечтою наяву.

«Смертники» – их так и называли,
Не умеешь плавать – что ж, тони.
Но ведь и в блокадном Ленинграде
Даром не давались пироги.

Страх, и боль, и горечь испытаний.
Всё не зря, наука на всю жизнь.
Мужество, большая тяга к знаниям.
Юность вся тревожна, как порыв.

И рождалось здесь морское братство
Флотская крепчала мелюзга.
Вот уж и натянута все штаги,
И скрипят призывно стрингера.

Прогремел припев, пугая чаек.
Тех мальчишек не забыть в века.
Это в бой идут ма-тро-сы!
Это в бой идут мо-ря !

Антонида ФЕДЧЕНКО

Под куполом ночи

Зажжём с тобой свечу и сядем у камина.
Пусть будет эта ночь вся выпита до дна.
Я тихо прошепчу: «Спасибо тебе, милый,
За то, что ты со мной, за то, что не одна».

И будет нам луна светить на покрывало,
Горячую любовь по каплям будем пить.
Хочу, чтобы она с тобой нас повенчала,
Связала крепко вновь оборванную нить.

Сольются две души, запреты все нарушив,
Желания пронзит пленительная дрожь.
И будут лишь в тиши камина блики глухи,
Да лунный свет скользнуть, на золото похож...

Напьюсь вина

Напьюсь сегодня я вина
И с нелюбимым стану грешной.
Какая в том моя вина?
Подскажет осень мне, конечно.

Но только золотом своим
Она меня лишь осыпает,
Да тихо шепчет, что мои
Она грехи все отпускает.

А я, шальная, буду пить
Вино, мешая с нелюбовью,
И в ласках боль свою топить,
Его любовь глотая с солью.

Напьюсь сегодня я вина,
Оно мою взволнует душу!
Пусть будет в том моя вина,
Что я мораль чуть-чуть нарушу...

Напьюсь я крепкого вина,
Став легкомысленной и вольной.
И от него буду пьяна,
Своею шалостью довольна.

За любовь я всё отдать не пожалею

Искрилось терпкое вино
В бокалах наших
И встречу делало оно
Как будто краше.

В глаза друг другу мы с тобой
Без слов смотрели
И понимали: то – любовь
На самом деле!

Кипела бешеная кровь
В порывах страсти,
А сердце билось вновь и вновь –
Рвалось на части!

Какая сила, не понять,
Атакovala,
Я не могла ей устоять –
Вся ликовала!

Душа моя была в плену,
Глаза горели.
Тянулась искренне к нему,
И он мне верил.

И этой ночью нас луна
С ним повенчала,
В подарок к счастью нам дала
Любви начало.

А за любовь я всё отдать
Не пожалею
И той единственной стать
Ему сумею.

...Бокалы выпиты до дна,
Свеча истлела.
Мне так легко, я не одна,
Как и хотела...

Ошалелая любовь

Ошалелая любовь.
Ошалелая!
Как по сердцу остриём.
Ошалела я!
Что со мной случилось вдруг?
Я не выскажу.
Всё, что было до тебя,
В сердце выстужу.
Потеряла я совсем
Голову.
Без тебя душа моя
Голая.

Позволял себе со мной
Шалости,
Проявлял по пустякам
Жалости.
От твоей заботы я
Таяла
И о прошлых всех грехах
Каялась.
От любви такой большой,
Пламенной
Закипела кровь моя
Пламенем!

Понесла меня любовь
Жгучая.
Раздвигала пред собой
Тучи я!
Ох, и пьяная была
Твоей ласкою.
Как же время не назвать
Это сказкою?...

Нина КУЗНЕЦОВА

В предчувствии беды

Зацепилось солнышко краем за берёзку,
В шёпот веток тоненьких влился плеск воды.
Уронила на траву я свою серёжку,
Сердце болью вздрогнуло в предчувствии беды.

Доносил издали ветер вздохи грешные,
На волнах дрожала зыбь лёгкой кисей.
«Быть тебе моей женой,» – трогал губы нежные
Краем губ своих горячих. «Быть моей женой...».

Плыл туман седою дымкой по траве росистой.
Стрекотал кузнечик громко в поле, где ветла.
Перелив зарянки звонкой россыпью искристой
Затихал далёким эхом на краю села.

Млечный путь торил дорогу, сердце пело песню.
Запах трав кружил дурманом, пьяным, как вино.
Называл своей любовью, звёздочкой чудесной.
Всё прошло, и эту клятву ты забыл давно.

Зацепилось солнышко краем за берёзку,
В шёпот веток тоненьких влился плеск воды.
Но с тех пор я так тоскую, милый мой Серёжка,
Ты оставил в сердце раны – горькие следы!

Жара

Душно, знойно, ни ветринки,
Листья вяло улеглись.
Ни одной живой картинки,
Точно все перепились.

Замерли в безвольном плене
Все поля и все луга.
Вот и я укрылась ленью,
Позабыв про все дела.

Жар окутал покрывалом,
Как периной пуховой.
И лежат травинки валом,
Все поникнув головой.

Даже речка вдруг застыла,
Нет волны у берегов.
А на небе днём унылым
Нет ни туч, ни облаков.

Всё живое в томной неге
Задышается и ждёт:
Ветер в яростном набеге
Сладкий дождик принесёт!

Захлестнёт сырой завесой
Солнца плавающий зенит
И расхлёстанным повесой,
Засмеявшись, улетит.

Знойный танец

«Я приглашаю вас на танец!»
Звучал, как вызов, как приказ
твой голос. Щёк смущённых глянец,
краснея, вызывал экстаз.
Ты так сказал! А я запела.
И пред глазами, как во сне,
мелькнули прошлого пределы,
являя знойный танец мне.

*«У любви, как у пташки, крылья –
её нельзя никак поймать...»
Взметнулась в волосах мантилья,
никто нас не посмел прервать.*

Чтобы поймать меня в объятья,
придётся потрудиться Вам!
Мелькнула ножка из-под платья,
Вы ждёте – руку я подам.
Начнём! И ноги отбивают
ритм танца гордой старины.
Глаза искрятся и сверкают.
Как струны, мы напряжены.
Зажёг вдруг танец тело, душу.
Сердца горят в огне страстей.
Ну, нет, мой милый, я не струшу!
И ритм ноги быстрее! Быстрее!
Уже не танец, а сраженье,
Ты наступаешь – я сдаюсь.
Но вот, избегнувши плененья,
из рук, как птица, в небо рвусь.

*«И всё напрасно: мольбы и слёзы,
и гордый взгляд, и томный вид,
безответная на угрозы,
куда ей вздумалось летит...
любовь!»!*

Мы кружим яростно друг друга,
стук кастаньет бьёт, как часы.
Любовь и страсть влекут по кругу.
И где здесь я?! И где здесь ты?!
Каким же гибким, жарким, страстным
мне тело кажется моё.
И знаю, я сейчас прекрасна!
Любовь зовёт! Поймай её!
Твержу молитвой мысль больную:
«Законов всех она сильнее!
Меня не любишь, но люблю я!
Так берегись любви моей!».
Мы близко! Близко! Берегись же!
Сердца так бьются в унисон,
дыханье губы лижет, лижет.
И где тут явь?! И где тут сон?!
Глаза в глаза. Передо мною
мой повелитель, мой партнёр.
Ночь озаряется луною,
но мы ведём безумный спор.
А взор затягивает в омут,
ещё немного – я твоя!
Сердца, сливаясь, тонут, тонут!
«Тебя люблю», – вдруг слышу я!

«Замерли в безвольном плене все поля и все луга».

Валентина ОРЛОВА

Самса из тандыра

«Потерялся мальчик, Вадик Кожевников, пять лет. Маму срочно просят зайти в радиозел дома отдыха».

Это сообщение повторили уже раз пятнадцать за последние два часа. Голос диктора, усиленный динамиками, разносился по пляжу дома отдыха города Соль-Илецка.

Марина сидела на берегу, прикрыв плечи от жаркого солнца полотенцем. Июльский полдень в Соль-Илецке – это сухая жара, соль блестит на коже и в волосах, из степи дует жаркий ветер, и ты сидишь на просоленном белом песке. Напротив, на другом берегу озера, расположен соляной завод. Озеро, в котором вода – просто самый настоящий рассол, находится в котловане, из которого когда-то вычерпали космическое количество соли. Вот такое лечение. Солью.

Рядом ещё четыре озера. Одно с самой настоящей лечебной грязью, в которую лезут все от мала до велика, не соблюдая правил и медицинских норм. Пройдешь десять минут и окажешься у менее солёного озера. Вода в нём как в море. Приятно отдохнуть и покачаться на волнах. Есть ещё одно озеро, мелкое и тоже очень плотное от соли. В нём водятся маленькие бело-розовые рачки, и от них, судя по рассказам отдыхающих, тоже громадная польза организму. Сидишь в воде и разглядываешь этих малявок, веря по-детски наивно в чудо исцеления. И, наконец, просолившись как следует, ныряешь в озеро с пресной водой, отмываешь грязь и соль, купаешься и загораешь в своё удовольствие и с чувством исполненного лечебного долга топает в отель.

«Потерялся мальчик...» – снова донеслось из динамика.

Марина ярко представила этого бедного Вадика пяти лет, который с зарёванной, опухшей

мордашкой сидит в радиорубке и ждёт свою дорогую мамочку.

А что же с мамочкой, и где она пропадает? Возможно, молодая мамочка, разгулявшись на курорте, познакомилась с каким-нибудь жгучим джигитом, которых здесь видимо-невидимо. Даже далеко ходить не надо. Марина перевела глаза на левый берег. Там белела казахская печка – тандыр, и на ней крупными чёрными буквами, чтоб далеко было видно, написано: «Самса из тандыра». Возле печки ловко орудовал черноглазый джигит, который и выпекал эту самую самсу.

Марина улыбнулась, вспомнив свою соседку по гостиничному номеру – Наталью из Перми. Услышав выражение «самса из тандыра», она долго допытывалась у третьей их соседки по номеру: кто такой тандыр?

– Это город Тандыр, откуда эту самсу возят, да?

Люда – так звали другую соседку – тоже не знала, что такое тандыр. Она долго по этому поводу рассуждала, строя всякие предположения, а когда пришла в первый раз на пляж и увидела печку, то долго хихикала над Натальей. А Марине очень понрави-

лась Наталья непосредственность.

Вот уж кто отдыхал на всю катушку! Наталье был всего двадцать один год, это был первый отпуск в её жизни, и девушка хотела запомнить его на всю жизнь. Она жарилась на солнце без всякой меры, мазалась лечебной грязью от пяток до макушки, оставляя свободными практически одни глаза, и купалась во всех озёрах.

«Потерялся мальчик...» – вот опять в сотый раз напомнил динамик. Ну, где же эта мамочка? Бедный ребенок. Мысли опять переключились на нерадивую мамочку-пофигистку. А может, с ней что-нибудь случилось? Мало ли, на курортах всякое бывает. Марина здесь всего несколько дней, а уже наслушалась историй. До её приезда в солёном озере с лечебными рачками нашли утонувшую бабушку. Старушка просто плавала на поверхности, как резиновый мяч, так как утонуть в солёном озере невозможно. Марина несколько раз пыталась нырнуть или хотя бы чуть-чуть погрузиться в плотную воду в горизонтальном положении – бесполезно. Просто все заходят и сидят в этой воде несколько минут, а потом выходят сушиться.

Бабушка, видимо, увлечшись лечением, пересидела в солёной воде, а может, давление подвело или сердце. Хотя диктор по радио предупреждает постоянно: не увлекайтесь, граждане, знайте меру. Марина нигде не видела здесь медпункта или хотя бы дежурного врача. Помочь бабушке, видимо, было можно, просто беспечные отдыхающие не заметили чужую беду. Так что с самой Вадика могла произойти и какая-нибудь неприятная история. Не дай бог.

Марина расстелила полотенце, удобно улеглась и открыла книгу. «Ещё немного позагораю и достаточно». Где-то её соседки по комнате загулялись? Договорились же встретится на этом ме-

сте, потому что ключ один на всех. Сквозь тёмные очки Марина оглядела пляж. Ни Люды, ни Натальи в ближайшем обозрении не увидела. Народу полно, кругом загорелые тела, все одинаковые.

Вообще-то, приближалось время обеда, и, может быть, девочки заскочили в какое-нибудь ближайшее прибрежное кафе под тентом. Их тут видимо-невидимо. Загорелые казахи развернули вовсю свой кулинарный бизнес. Вкусно поесть можно прямо на пляже. Идешь по берегу, и прямо у тебя под носом ароматными пряностями из казана дышит плов, жарятся шашлыки, румянится в тандыре самса. Красота. В общем, народный курорт. Недо-

рогой и приятный отдых. Если не усердствовать на процедурах, а просто отдыхать.

Марина зачиталась и не заметила, как пролетело время. Ого, спину припекает! Пора идти. А вон и девочки спускаются со склона, приветливо машут руками изда-лека.

– Иду, иду! – крикнула Марина, на ходу натягивая сарафан и собирая в сумку полотенце и книжку. И вдруг поймала себя на мысли, что больше не слышит объявлений о пропавшем Вадике. Слава богу!!! Она живо представила, как счастливый Вадик с высохшими глазами сидит со своей мамой в кафе и с удовольствием уплетает самсу из тандыра!

Олег БУРДУКОВ

Я многое смог, ещё больше не смог,
Я начал искать единенье дорог,
Радость во мне негасимая.
Затеял я храм и мечту превознёс,
Но только один меня гложет вопрос:
Как ты сегодня, любимая.

А всё начиналось с бессмыслицы снов,
Романами свитой романтики слов.
Молодость невозвратимая.
И маминых верований новизна,
Да в то, чтобы я у кого-то узнал:
Как ты сегодня, любимая.

Ах, сколько румянца я съжг для неё.
Для той, что заполнит всё сердце моё
Нежностью неодолимою.
Случайность, и всё – шоколадки, цветы.
И ты, ты, ты, ты, ты, ты, ты, ты, ты.
Как ты сегодня, любимая.

Как радостно нёс я тебя на руках
Чрез лужи, мосты, недомолвки в стихах.
Искренность неповторимая.
Избыток стремлений. Обилие чувств.
И страстью слетевшее с трепетных уст:
Как ты сегодня, любимая.

Ну, здравствуй, жена, я к блаженству готов.
Но, сразу означу несваренный плов,
Стенкой непреодолимою.
Набор парадигм и нюансы натур,
И сквозь квинтэссенцию разных культур:
Как ты сегодня, любимая.

Мгновение, год, сопряжение тайн.
Раскрытие сердца в режиме онлайн.
Жертвенность неуловимая.
Шажочек вперёд и шажочек назад,
А утром улыбкой прощёный закат –
Как ты сегодня, любимая.

Я сделаю борщ и тебя разбужу,
Пеленки поглажу, детей уложу,
Не беспокойся, родимая.
И я не оставлю, нет, нет, на потом,
Ни чуткость, ни лад, ни заботу о том,
Как ты сегодня, любимая.

Я крылья прилажу и их распушу,
Я женственностью твой портрет напишу.
Моя ты Надежда! Да! Ты – моя!
Иди же, иди! Ведь я верю в наш путь!
Я буду кричать по пути во всю грудь –
Как ты сегодня, любимая.

Дорога прекрасна, но так коротка.
Морщинится взявшая руку рука.
Временность неудержимая.
И пусть будешь старше ты всё же меня,
Тебе прошепчу каждым шорохом я:
Как ты сегодня, любимая.

Я снова и снова тебя отыщу.
И не отпущу тебя. И отпущу.
Счастье моё ты ранимое.
И мы полетим, будем вместе всегда.
И эхом нам каждая в небе звезда:
Как ты сегодня, любимая.

Таисия АНИКИНА

Открытая отчаянно

С Иолантой БИЯНОВОЙ всегда было интересно. Непросто, но интересно. Личность безусловной смелости – так могла бы обозначить её я. Смелости жить, чувствовать, творить по своим убеждениям. Таких людей не так уж много. Она славилась чрезвычайной для многих прямоотой. Сама себя она характеризовала просто: «В стихах открытая отчаянно...». Иоланта БИЯНОВА ушла, но оставила нам стихи, где в каждой строчке – любовь к жизни.

Иоланта БИЯНОВА:
«Я не знаю, как рождаются стихи.
Их мне как будто кто-то диктует».

Поздняя осень

Презентация последней книги Иоланты БИЯНОВОЙ «Поздняя осень» состоялась год назад. Книга, впервые изданная в 2008 году, спустя восемь лет вышла с дополнениями. Поддержала издание администрация города.

Глава Илай АХМЕТОВ на презентации обратился к БИЯНОВОЙ:

– То, о чём вы пишете, – это и есть учебник жизни: здесь и любовь, и страдание, и юмор. Есть и отношение к прошлому, и к современности. А главное, здесь всё о Родине, большой и малой. В каждой строке – любовь к Ачинску. Такая любовь творческих людей помогает городу развиваться. Поверьте, своим творчеством вы уже обеспечили себе бессмертие, ваши стихи вписаны в историю нашего города.

Иоланта Альбертовна признавалась, что не знает секрета рождения стихов. «Их мне

как будто кто-то диктует», – говорила она.

Помощь людям у неё проявлялась в разных измерениях: более сорока лет работала медсестрой (никогда не пожалела о своём выборе) и писала для людей стихи, которые помогали многим страждущим. Окончила медицинское училище и два института: историко-филологический факультет в Хабаровске и экономический факультет в Новосибирске.

Главной своей страстью считала танцы, которыми занималась на протяжении многих лет. Яркая, независимая, талантливая и сильная женщина была честна всегда:

*В моих стихах надежды,
чувства, чаянья.*

*Я не терплю ни зло,
ни ложь, ни лесть.
В стихах я вся, открытая
отчаянно,
Короче, та, какая в жизни
есть...*

Жизненный пункт

Родилась Иоланта в Москве 1 апреля 1930 года. В 1937 году потеряла родителей и была определена в детский дом. Там в восьмилетнем возрасте и начала писать стихи. Ещё до начала Великой Отечественной войны её стихи печатались в журнале «Мурзилка», в «Пионерской правде». Затем были «Комсомольская правда», «Магнитогорский рабочий», «Московский комсомолец»,

«Ижевская правда» и другие издания. В ачинских газетах публиковалась более 30 лет. Героиня объехала всю Россию, жила во многих регионах страны, поэтому публикации её стихов есть во всех архивах газет разных уголков родины.

– Помню, встречали Новый, 1938-й год, – рассказывает Иоланта Альбертовна. – Мои товарищи, ребята из детского дома, праздновали, а я в одиночестве лежала в санчасти в изоляторе и смотрела в окно. Лунная, серебряная новогодняя ночь глядела на меня. Так и родилось моё первое стихотворение.

Всего у неё вышло семь книг. Сын Андрей также унаследовал талант к сочинению стихов.

*Много дальних дорог
мною пройдено.
Я о них вспоминала не раз.
Ачинск, стал ты второй
моей родиной
В самый трудный
и тягостный час...*

В 1941 году Иоланта с детским домом была эвакуирована в Верхне-Уральск Челябинской области, а в 1943 году переведена в Магнитогорский детский дом.

За жизнь побывала всюду: от Урала до Диксона, проехала через всю Россию. Запомнила всё, но особое впечатление произвёл на неё Урал, его суровая и красивая горная природа, озёра и скалы.

С 1967 года Иоланта БИЯНОВА жила в Ачинске. Уверенно и неизменно называла себя «счастливейшим человеком».

Зеркало

Главными чертами характера, по её собственному признанию и по наблюдениям друзей, были прямота и честность.

В 1948–50 годах поэтесса занималась в литературном объединении при Куйбышевском отделении Союза писателей. Тогда же в киножурнале о ней был снят небольшой сюжет. Однажды, ещё юной девушкой, получила наставление от председателя Союза писателей Поволжья Николая ЖОГОЛЕВА:

– Внимательно выслушивай все замечания – и пиши как считаешь нужным. Довелось ей общаться и с Константином СИМОНОВЫМ, который также напутствовал будущую поэтессу.

В 1998 году в Ачинске вышел её первый сборник стихотворений «Обо всём понемногу». Затем были «Бриллиантовая свадьба», «Зеркало», «Поздняя осень», которые издавались в нашем городе, в Новосибирске, Красноярске.

Для чтения вслух – для слушателей – был подготовлен своеобразный цикл, который она именovala «жизненным пунктиром».

Мне довелось слышать её завораживающий рассказ о том, как её... буквально носили на руках. Итак, на теплоходе «А. П. Чехов» БИЯНОВА отправилась из Красноярска до Диксона. Друзья говорили ей:

– Ты такая бегунья, что ты будешь делать на теплоходе несколько дней без движения?!

– Буду читать, – отвечала она.

Когда теплоход прибыл в пункт назначения, выяснилось, что вплотную к берегу

судно пристать не может – добираться придётся пешком. А Иоланта отправилась в путешествие в лёгких туфельках на каблучке. Выяснив это обстоятельство, мужчины, сопровождавшие её, решили нести девушку на руках.

– Я стройная была, худенькая, они несли и шутили, что я как пушинка, – смеялась она.

Заявить, что БИЯНОВУ любили все без исключения, значило бы покривить душой. Да и ей самой такое предположение не понравилось бы. Одни люди уверены, что любое доброе слово, произнесённое вслух, является лестью. Особенно такое убеждение встречается у сибиряков. Мы беседовали с Иолантой Альбертовной на эту тему. Я уверена в том, что люди при жизни должны слышать как можно больше добрых слов, и не нужно скупиться на них и, главное, стесняться их говорить. Моя собеседница, напротив, подчёркивала, что любое хорошее слово, произнесённое вслух, есть ложь. Особенно если произносится глаза в глаза. У каждого своя правда. И каждый за жизнь убеждается в её адекватности или же опровергает свои постулаты. И всё это тоже верно.

*Так и живу, убежденье храня,
Что в жизни хорошего
много больше,
И пусть эта вера владеет
мною дольше,
До моего последнего дня...*

Это стихотворение из последней книги стало пророческим. Ни разу я не слышала от Иоланты БИЯНОВОЙ стонаний и жалоб. Такой – сильной, прямой и верящей в чудо – мы и запомнили её. Такой она и будет жить всегда – в строчках своих творений.

Ирина ПРОНИНА*Зимние зарисовки*

Не спеша я иду по аллее.
Под ногами пушистый снежок,
Надо мною из веток сплетенье
Образует тончайший чертог.
С веток снег деревца не уронят.
Здесь чужие шаги не слышны.
И на сердце легко и спокойно
От торжественной той тишины.

По зимней трассе едем я и ты.
Деревья в белых головных уборах.
От величавой этой красоты
Не оторвать восторженного взора.
Вот ёлочка стоит: на лапах снег.
Берёзка рядом инеем одета.
В низинке схоронились ото всех,
Никто не потревожит их до лета.
Сквозь толщу тучи солнца луч проник.
Ведь любопытно: как вы тут живёте?
И вот макушки сосен озорник
Позолотив, исчез на горизонте.

В ясную морозную погоду
В моём доме солнышко гостит.
За гостеприимство иль в угоду
На обоях весело блестит.
Солнечные зайчики вприпрыжку
В салочки играют тут и там:
Прыгают по полкам и по книжкам,
По дивану и по зеркалам.
Средь зимы мне это – как награда!
И не важно, что там впереди.
Солнышко! Тебе всегда я рада!
Ты ко мне почаще заходи.

За окном – трескучие морозы:
Над природой властвует январь.
Только на моём окошке розы
Распустились, и цветёт герань.
Я сегодня думаю о лете.
Что мороз, нисколько не тужу.
Нипочём мне снег и злющий ветер:
К лету себе кофточку вяжу.

Снежные чудеса

За окном снежинки водят хороводы
И на землю тихо падают, кружась.
Кажется, что это школьницы-девчонки
В белых платьях бальных так танцуют вальс.
А мороз-художник лёгкие узоры
Кисточкой волшебной вывел на стекле:
И луга с цветами, и леса, и горы –
Всё это вместилось на моём окне.
Стройная черёмуха, будто бы Снегурочка,
Вдруг надела инея белый сарафан,
И стоит красавица в белоснежной бурочке,
И блестят серёжки – льдинки на ветвях.

Герой-испытатель

Герой-испытатель выходит на трассу,
Садится в машину, включает мотор...
Смотрите! Да это ж Алёша-проказник,
Герой, «испытатель» салазок и гор.
Вот мчатся салазки, снежинки взлетают,
А ветер ласкает и щёки, и лоб.
Глядите! Алёша, «герой-испытатель»,
Летит в направлении «горка – сугроб».

*Вдохновение
ПРИЧУМЫЛЯ*

Адрес редакции:
662150, Красноярский край,
г. Ачинск, м-н 8, д. 1.

Учредитель: ООО «Ачинская типография»

Главный редактор: О.В. Паршина

Тираж – 900 экз. Газета выходит 1 раз в три месяца. Номер подписан в печать 29.11.2017 г.
Газета отпечатана в ООО «Ачинская типография» по адресу: 662150, Красноярский край,
г. Ачинск, ул. Шевченко, 2, т. 7-00-91.

На страницах литературной газеты использованы фотографии
Дмитрия ЦИБРОВСКОГО и Владимира ФЕДОРОВА